

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЖУКОВСКИЙ

Исследования и материалы

Выпуск 2

Сборник научных трудов

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013

Э.М. Жилякова

ВАЛЬТЕР-СКОТТОВСКИЙ СПИСОК В.А. ЖУКОВСКОГО

Вопрос об отношении В.А. Жуковского к личности Вальтера Скотта и его творческому наследию представляет большой научный интерес. Жуковский – один из лучших переводчиков поэтических произведений В. Скотта в русской литературе XIX в.: им переведены баллады «Замок Смальгольм», «Покаяние» и «Суд в подземелье» – отрывок из поэмы «Мармион». Книги В. Скотта, хранящиеся в библиотеке Жуковского, архивные материалы, дневники, переписка поэта и его современников свидетельствуют об огромном интересе русского поэта к В. Скотту на протяжении всей творческой жизни. К 1815 г. относится составленный Жуковским подробный план-конспект поэмы В. Скотта «Дева озера», связанный с замыслом создания лиро-эпической поэмы «Владимир» на материале русской истории¹. О внимательном и заинтересованном чтении произведений В. Скотта говорят пометы, сделанные Жуковским в поэтических текстах, в романах, в «Письмах о демонологии», в «Истории Шотландии»². Из письма П.А. Плетнева к Я.К. Гроту известно, что Жуковский думал о поэтическом переложении романа В. Скотта «Айвенго»³. Итогом размышлений об отношении Жуковского к В. Скотту можно считать письмо поэта к Н.В. Гоголю «О поэте и современном его значении» и дневниковую запись, датируемую комментаторами 1844–1847 гг.: «В историческом романе Вальтер Скотта более истины, нежели в истории <...>»⁴.

Для исследования проблемы «Жуковский и В. Скотт» особую ценность представляет запись, сделанная поэтом в рукописной тетради, где находятся авторизованная копия перевода поэмы «Наль и Дамаянти» и черновой автограф Предисловия к переводу поэмы⁵.

Завершая в 1841 г. работу над переводом поэмы Рюккерта «Наль и Дамаянти», написанной немецким автором по мотивам одного из

¹ См.: Жилякова Э.М. Комментарий к «Деве озера» // ПССиП. Т. 4. С. 621–624.

² См.: Жилякова Э.М. В. Скотт в библиотеке В.А. Жуковского // Библиотека Жуковского. Ч. 3. С. 300–368.

³ Плетнев П.А. Сочинения и переписка: в 3 т. СПб., 1885. Т. 1. С. 133.

⁴ ПССиП. Т.14. С. 297.

⁵ РНБ. Ф. 286. Оп.1. № 44. Л. 79 об. – 80.

эпизодов «Махабхараты», Жуковский делает небольшое предисловие к своему переводу, в котором, рассматривает «Наля и Дамаянти» в контексте мировой культуры. В качестве аргумента Жуковский приводит рассуждение Августа-Вильгельма Шлегеля о поэтическом характере этой поэмы и о сходстве двух женских характеров – Дамаянти и Пенелопы как равновеликих созданий человеческого гения в изображении супружеской любви и самоотверженности:

<...> эта поэма не уступает никакой из древних и новых в красоте поэтической, в увлекательности страстей, в возвышенной нежности чувств и мыслей. Прелесть ее доступна всякому читателю, молодому и старику, знатоку искусства и необразованному, руководствующемуся одним естественным чувством. Повесть о Нале и Дамаянти есть самая любимая из народных повестей в Индии, где верность и героическое самоотвержение Дамаянти так же известны всем и каждому, как у нас постоянство Пенелопы (ПССиП. Т. 5. С. 96).

Опираясь на труд А.-В. Шлегеля и следуя принципу сравнительно-типологического анализа, Жуковский делает обширную запись черными чернилами на русском, французском и английском языках трех самостоятельных и вместе с тем связанных между собой списков.

Шекспир	La nain	
Миранда	Le deux soeur	Le Pirate +
Юлия	Montrose
Офелия		Fille de Perth +
Гомер	Clara	S. Ronan +
Пенелопа Навсикая		Waverly
Андромаха		Fiancée +
Виргилий	Emie	Kenilvort +
Дидона	M. Stuart	Abbé
Тассо		Monastère
Эрминия	Rebecca	Ivangoe
Армида	Yulia	Mannering
Клоринда Софрония		Peveril
Ариосто		Nigel
Брадаманта		Quentin
Кримхильда	Diana Vernon	Redgauntlet
Брунхильда.		Rob Roy
Данте		Puritain
Франческа	Effie	Antiquaire
Мильтон	Jenni	Prison
Эва		Woodstock
Реция		Charles
Гретхен	La flamand	Les fiançailles
		Richard

Петрарка		Дон Жуан
Лаура		Child Harold
Бейрон		Parisina
Зулейка	Дивный	Corsar
Паризина		Fiancée d'Abydos
		Chillon
		Mazeppa
		Beppo
		Lara
		Giaur
		Manfred
		Cain
		Sardanapal
		Foscari
		Marino Falieri
		Difformité transformer
		Próphettie of Dante
		[Pleurs of Tasso] ¹

Запись эта чрезвычайно значима. В ней получил отражение тип романтического сознания Жуковского, тяготеющего к широким универсальным обобщениям: В. Скотт рассматривается как в контексте мировой культуры, так и в сравнении с его великим современником и соотечественником – Байроном.

Значение записи состоит и в том, что единственная пока из известных материалов она дает наиболее полную информацию о характере восприятия Жуковским романов В. Скотта, а также раскрывает концепцию русского поэта об определяющей роли женских образов как носителей идеального нравственного начала в структуре современного романа.

Наконец, запись можно рассматривать как творческую лабораторию поэта, поскольку в ней запечатлен сам процесс размышления поэта нравственно-философского и эстетического порядка. Запись можно рассматривать как подготовительный этап на пути создания письма к Гоголю, содержащего развернутую оценку В. Скотта.

Запись включает два столбца. Список, расположенный слева, содержит имена авторов и героинь произведений, выполненных в стихотворной форме. Первое имя в списке – Шекспир. Из шекспировских героинь Жуковский называет Миранду («Буря»), Юлию («Ромео и Джульетта») и Офелию («Гамлет»). А затем, возвращаясь к Античности, по хронологии поэт создает список шедевров мировой

¹ РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 44. Л. 80.

культуры, в которых имеются идеальные женские образы. Жуковский называет трех героинь гомеровского эпоса (Пенелопа, Навсикая и Андромаха), Дидону – самую страстную героиню «Энеиды» Вергилия; за ней следуют Эрминия, Армида, Клоринда и Софрония из поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим», Брадаманта из «Неистового Роланда» Ариосто, Кримхильда, Брунхильда из «Песни о Нибелунгах», Франческа Данте, Эва из «Потерянного рая» Мильтона, Реция из «Оберона» Виланда, Гретхен из «Фауста» Гете, Лаура – возлюбленная и адресат лирики Петрарки. Список завершает Байрон. Его творчество представлено Зулейкой и Паризиной – героинями восточных поэм «Абидосская невеста» и «Паризина».

На правой стороне листка, в параллель со списком стихотворной классики, Жуковский пишет в столбик названия 24 романов В. Скотта:

Le nain [The Black Dwarf. Черный карлик (1816)];

Le Pirate [The Pirate. Пират (1822)];

L'officier de Fortune ou une légende de Montrose [A Legend of Montrose. Легенда о Монтрозе (1819)];

La jolie fille de Perth ou Le jour de Saint-Valentin [The Fair Maid of Perth, or St.-Valentine's Day. Пертская красавица (1828)];

Les Eaux de Saint-Ronan [St.-Ronan's Well. Сент-Ронанские воды (1824)];

Waverley ou Il y a soixante ans [Waverley, or sixty years since. Уэверли (1814)];

La fiancée de Lammermoor [The Bride of Lammermoor. Ламмермурская невеста (1819)];

Kenilvort [Kenilvorth. Кенилворт (1821)];

L'Abbé [The Abbot. Аббат (1820)];

Monastère [The Monastery. Монастырь (1820)];

Ivangoe [Ivanhoe. Айвенго (1820)];

Guy Mannering ou L'Astrologue [Guy Mannering, or the Astrologer. Гай Мэннеринг (1815)];

Peveiril du Pic [Peveiril of the Peak. Певерил Пик (1823)];

Les Aventures de Nigel [The Fortunes of Nigel. Приключения Найджела (1822)];

Qventin Durward [Qventin Durward. Квентин Дорвард (1823)];

Redgauntlet [Redgauntlet, a tale of the eighteenth century Редгонтлет (1824)];

Rob-Roy [Rob Roy. Роб-Рой (1818)],

Les Puritains d'Ecosse [Old Mortality. Пуритане (1816)],

L'Antiquary [The Antiquary. Антикварий (1816)];

La Prison d'Edimbourg [The Heart of Midlothian. Эдинбургская темница (1818)];

Woodstock ou le cavalier. Histoire de l'annee mil sixeinqunte [Woodstock, or the Cavalier. Вудсток (1826)];

Charles-le-Téméraire ou Anne de Geiersteen La fille du brouillard [Anne of Geierstein, or the maiden of the mist. Карл Смелый, или Анна Гейерштенская, дева мрака (1829)];

Les fiancés ou Le Connetable de Chester [The Betrothed. Обрученные (1825)];

Richard en Palestine ou Le Talisman [The Talisman. Талисман (1825)].

Список сочинений В. Скотта состоит из двух колонок: одна представляет собой перечисление романов, названия которых написаны преимущественно по-французски, что позволяет предположить: в основном Жуковский читал прозу В. Скотта во французском переводе¹.

В другой колонке, расположенной напротив списка названий романов, следует перечень женских имен. Жуковский называет героинь только девяти романов: Минна и Бренда – в «Пирате», Клара – в «Сент-Ронанских водах», Эми – в «Кенилворте», Мария Стюарт – в «Аббате», Ребекка – в «Айвенго», Юлия – в «Гае Мэннеринге», Диана Вернон – в «Роб-Рое», Эффи и Джини – в «Эдинбургской темнице», Роза (фламандка) – в «Обрученных».

В списке, достаточно полно представляющем романы В. Скотта, отсутствует хронологическая последовательность, и это позволяет думать, что в записи запечатлелся сам процесс выстраивания Жуковским романного мира В. Скотта по памяти, где зримо воссоздается логика художественного сознания читателя и поэта. И тем важнее понять ее закономерности.

Список романов В. Скотта открывается «Черным карликом». Первое место этого романа в списке могло быть обусловлено жанровыми пристрастиями Жуковского – лиро-эпического поэта. Небольшой по объему (вдвое меньше обычного романа и более напоминающий повесть), «Черный карлик» по содержанию и лирико-драматической напряженности коллизий близок к жанру лиро-эпической поэмы В. Скотта, типа «Девы озера», где воедино сопряжены история, любовь, лирика природы и поэзии.

Жизненные судьбы героев, как зажиточных лэрдов, так и простых горцев, каким изображен Хоббит Элиот из Хейфута с собакой по имени Громобой, развиваются в ситуации бурных исторических событий, участниками которых становятся обитатели юга Шотландии. Это история заговора шотландских якобитов против англий-

¹ В библиотеке Жуковского представлено Полное собрание сочинений В. Скотта на французском языке. Описание. № 2101.

ского правительства в 1707 г., породившего смуту среди местного населения. Подготовка к восстанию и гражданской войне разделила кланы на партию бунтарей, в которой нашли место и пылкий защитник шотландской независимости Маршал из Маршал-Уэллса, и разбойник Уилли Уэстбернфлет, и вероломный сэр Фредерик, и противники заговора, такие как сэр Рэтклиф, горец Хоббит.

В ситуации разворачивающейся смуты получают драматическое развитие две любовные коллизии, сопряженные с похищениями, освобождениями, предательством и счастливым спасением благодаря вмешательству сэра Эдуарда Моули, скрывавшегося под видом пустынножителя Элши. Заглавие романа относится к этой таинственной фигуре – карлику Элши, образ которого несет на себе печать романтической эстетики В. Скотта: мизантроп, наводящий страх на окружающих, оскорбленный предательством друга и неверностью невесты, много перестрадавший, он оказывается человеколюбом, оказавшим помощь горцу Хоббиту и его семье, пострадавшей от налета разбойника, а также спасшим дочь своего обидчика Изабеллу Вир от преследований вероломного и честолюбивого сэра Фредерика Лэнгли.

Особый пласт сюжета в романе связан с воссозданием национального быта и характера шотландцев. В. Скотт с тщательнейшей детализацией, с чувством юмора и симпатией рисует картины повседневной жизни как владельцев замков, так и хозяев маленьких ферм, открывая нравственный облик шотландцев – гордость, трудолюбие, великодушие, хитрость, смекалку.

Роман овеян поэтическим колоритом, воссозданным через изображение северной природы, картины снежных и ночных пейзажей, создающих живописный фон для появления пугающих призраков то в неверном свете луны, то на фоне летних дней и на цветущих вересковых пустошах. Дух таинственности, пронизывающий роман, связан с изображением особого духовного строя шотландцев, их верой в колдунью с Серыми Гусями на Малкстоунской пустоши, в демонические способности страшного пустытника. Но имена героинь романа Изабеллы Вир (возлюбленная сэра Эрнсклифа) и Грейс Армстронг (невеста Хоббита) не отмечены Жуковским: в них нет ничего героического или страдательного, ничего исключительного и возвышающего их над обыкновенными героями, хотя, как всегда у В. Скотта, женские образы проникнуты симпатией повествователя.

Вторым в колонке перечисленных Жуковским романов В. Скотта следует «Le Pirate» («Пират», в русском переводе XIX в. – «Морской разбойник»). С него начинается перечисление имен героинь вальтер-скоттовских романов. Напротив названия романа Жуковский сделал запись: «Les deux soe» («Две сестры»). Жанр этого типично романтического произведения можно определить как морской роман о пиратах, так и роман о любви и тайнах земного и чудесного. События происходят в необычайно своеобразной обстановке – на островах Шетлендии (северный регион Шотландии), сохранивших черты древнего быта нормандских народов. Обитатели островов, занимающиеся преимущественно рыбной ловлей, живущие среди суровой северной природы, погружены в поэтический мир легенд, суеверий и демонологии. Коллизия романа связана с появлением в этой патриархальной среде необыкновенного человека – благородного разбойника Клемента Кливленда, наделенного страстной демонической натурой, высокими порывами, но обреченного обстоятельствами на судьбу предводителя джентльменов удачи, морских разбойников. Роман наполнен тайнами, неожиданными перипетиями, трагическими обстоятельствами. Развитие сюжета связано с несколькими любовными линиями, представленными героями разных возрастов, но на первом плане оказываются две юные пары: Минна и пират Кливленд, Бренда и благородный молодой человек Мордонт.

Запись «Les deux soe» («Две сестры») указывает на особый интерес Жуковского именно к женским характерам. Образы двух сестер – Минны и Бренды, дочерей Магнуса Тройла, их портретные зарисовки, характеристика психологии, поведения, наконец, развернутая история драматических взаимоотношений, сложившихся внутри семейного круга, в котором оказались влюбленные молодые пары и решающий их судьбы суровый и порой несправедливый отец, – все это заключает в себе материал, внутренне соотносимый с событиями личной жизни Жуковского, с впечатлениями его юности.

В романе создано два поэтических образа молодых женщин – двух сестер, возможно напоминающих Машу и Сашу Протасовых, так много значивших в жизни Жуковского. Старшая из сестер, Минна, отличалась нежностью облика и возвышенным меланхолическим характером. В. Скотт пишет: «<...> меланхолия Минны – не следствие действительных горестей, а лишь устремление души к предметам более возвышенным, чем то, что ее окружает. <...> Несмотря на крайнее наше желание избежать столь избитого сравнения с анге-

лом, нельзя не признать, что в строгой красоте девушки, сдержанной и вместе с тем изящной свободе движений, в музыке ее голоса и невинной чистоте взгляда было нечто, говорившее, что Минна Тройл – существо иного, высшего и лучшего мира и лишь случайный гость на нашей недостойной ее земле»¹. Образ Минны не мог не соотноситься с близкой ей по характеру Машей Протасовой.

«Бренда, – пишет В. Скотт, – почти такая же красивая и столь же прелестная, как Минна, настолько же не походила на сестру наружностью, как характером, вкусами и поведением» (12, 37). Главное, отличавшее Бренду от сестры, – это то, что было характерно и для Саши Протасовой, – «природная невинная живость»: «Веселость, которую Бренда вносила в окружающую ее повседневность, казалась совершенно неисчерпаемой» (12, 38)².

В романе «Пират» воссоздана ситуация, напоминающая мучительные переживания Жуковского в доме Протасовых в 1813–1814 гг., когда с появлением А.Ф. Воейкова Жуковский впал в немилость матери сестер – Е.А. Протасовой. В романе подробно и психологически тонко воссоздана картина душевных волнений Мордонта, благородного молодого человека, друга сестер, выросшего в их доме, а теперь отринутого вследствие появления блистательного Кливленда, околдовавшего отца и заронившего клеветой недоверие к человеку, спасшему его.

Большое место в сюжете романа занимают фантастические и демонологические образы. Более всего они получают развитие в истории старухи Норны из Фитфул-Хэда, обладавшей сверхъестественными познаниями, властью над стихиями и над судьбами героев, и в многочисленных рассуждениях повествователя о природе чудесного. Этот роман, как и другие, как и «Письма о демонологии» с большим количеством сделанных отчеркиваний на полях книги В. Скотта, вошли в контекст творческих размышлений Жуковского, нашедших свое развитие в статье «Нечто о привидениях».

Таким образом, вынесение названия романа в начало списка продиктовано как личными мотивами, так и большим интересом Жуковского к психологическому аспекту произведения.

¹ Скотт В. Собрание сочинений: в 20 т. М., 1998. Т. 12. С. 37. Далее цитаты в тексте даются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.

² Характерно, что в 1834 г. И.И. Козлов, поклонявшийся Александре Воейковой (Саше Протасовой), пишет балладу под названием «Бренда».

Третье место в списке Жуковского занимает «Легенда о Монтрозе». Произведение входит в число знаменитых шотландских романов В. Скотта (создано после «Пуритан», «Роб Роя»), в нем живописно представлена одна из страниц шотландской истории – гражданская война, разгоревшаяся в 1645 г. между несколькими кланами шотландских горцев, выступивших как в защиту короля Карла I, так и за восстановление независимости Шотландии, против сторонников английского и шотландского парламента. Историзм и объективность позиции В. Скотта проявились в художественно полном воссоздании быта, нравов, военной доблести обитателей горной Шотландии, в стремлении многосторонне показать и объяснить психологию и мотивы поведения, отдавая при этом не только дань уважения, но и критики в адрес каждого лагеря, представленного ярчайшими типами, такими как граф Монтроз, возглавивший поход против защитников парламента. Суровой романтикой овеяны образы шотландцев из клана Сынов Тумана. В ряду созданных типов особое место занимает образ Дугальда Дальгетти, привлечший внимание А.С. Пушкина¹. Жуковский не выделяет в этом романе образа героини, но тот факт, что «Легенда о Монтрозе» занимает третье место в списке, показывает, как высоко он ценил и понимал искусство исторического живописания В. Скотта.

Далее по ходу создания списка Жуковский называет три женских имени: Клара из «Сент-Ронанских вод», Эми из «Кенилворта» и Мария Стюарт из «Аббата» – и отмечает крестиком пять романов, в число которых входят три выше названных, а также «Пертская красавица» и «Ламмермурская невеста». Героинь всех этих романов, наделенных красотой, тонкой духовной организацией, романтическим складом характера, объединяет схожесть жизненных судеб: все они оказываются заложницами любви и трагических обстоятельств и все, кроме пертской красавицы Кэтрин и королевы Марии Стюарт, погибают.

Клара, дочь шотландского владельца Сент-Ронанского поместья, кроткая, утонченная девушка, по природе живая и непосредствен-

¹ В Предисловии к «Запискам бригадира Моро де Бразэ» (1835) А.С. Пушкин, характеризуя автора «Записок», сравнил его с героем романа В. Скотта Дугальдом Дальгетти: «Он принадлежал к толпе тех наемных храбрецов, которыми Европа была наводнена еще в начале XVIII столетия и которых Валтер Скотт так гениально изобразил в лице своего капитана Dalgetty» (*Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1977. Т. 8. С. 345*).

ная, оказалась в центре драматического поединка между двумя братьями – Тиррелом и Этерингтоном, и если первый был влюбленным и преданным рыцарем, с которым Клара хотела связать свою жизнь, то второй, игрок, дуэлянт и распутник, испытывал к Кларе «ненавидящую любовь и любовную ненависть». Вероломно, обманым путем он подстроил венчание с Кларой, тем самым обрек ее и Тиррела на страдания, завершившиеся смертью героини. Описание поведения Клары – веселой и счастливой, перевоплощающейся то в крестьянку в дни беззаботной и светлой юности, то в безобразную дурнушку в дни визита ненавистного Этерингтона, рассказ о побеге Клары из дома в бурную ночь, о ее блужданиях в овраге, о потрясении и смерти – все это связано с разработкой психологически достоверной картины драматических переживаний героев. На вальтер-скоттовскую манеру психологического письма откликнулся Пушкин в «Повестях Белкина». Преодолев субъективную односторонность романтизма и вступив с ним в полемику, Пушкин не порывает художественных связей с ним. В «Метели» и «Барышне-крестьянке» Пушкин развернул мотивы вальтер-скоттовского романа, включая ситуацию рокового венчания, но в иной тональности, заменив трагическую безысходность счастливой случайностью. Важно подчеркнуть, что в центре внимания Пушкина оказался именно психологический аспект романа, разработка характеров и самой любовной коллизии.

Эми в романе «Кенилворт» – юная жена графа Лестера, покинувшая ради возлюбленного отца и ставшая жертвой честолюбивых планов любимца королевы Елизаветы. Эми была заключена в замок, чтобы своим присутствием в Кенилворте, куда направлялась с визитом Елизавета, она не нарушила честолюбивых планов вероломного Лестера. Покинув без позволения Камнорский замок, чтобы получить законное право называться женой Лестера, героиня обрекла себя на смерть. Эми, как и Мария Стюарт в «Аббате», становится психологическим центром драматической напряженности, в трагическую зависимость от которой попадают все участники событий.

Другую группу героинь В. Скотта, отличающихся исключительной жизненной энергией, сильными характерами, в списке Жуковского представляют Ребекка («Айвенго»), Джулия («Гай Мэннеринг»), Диана Вернон («Роб Рой»), Джини («Эдинбургская темница») и Роза («Обрученные»). Романы с их участием получают счастливое разрешение в финале.

В образе Дианы Вернон В. Скотт воплотил лучшие черты шотландского и английского характера. Дочь шотландки и английского герцога, Диана на равных с мужчинами участвует в исторических событиях, связанных с якобитским восстанием в Шотландии 1715 г. Выросшая среди вольной природы, на границе Англии и Шотландии (в Нортумберлендском замке), «прекрасная наездница», владеющая воинским искусством, гордящаяся родовыми реликвиями, непосредственная, своевольная и бесхитростная красавица, Диана отличается гуманным и широким взглядом на Шотландию и ее жителей. Не случайно в романе тайным охранителем и помощником ее оказывается сам Роб Рой. Отважной, бескомпромиссной и деятельной Диана проявила себя в любви, отвергнув притязания сильного и коварного злодея Рэшли и приложив огромные усилия для спасения жизни и чести своего возлюбленного, Фрэнка Осбалдистона. Образ Дианы Вернон имеет особое значение для понимания эстетической позиции В. Скотта. Писатель поэтизирует образ отважной девушки в духе романтизма, подчеркивая исключительность как ее внешности, так и духовного мира. Но в расстановке героев Диана позиционирует себя как враг романтической фразы (ее споры с Фрэнком), как человек, утверждающий критерии реальности и истины.

Эстетическая установка на изображение идеального, обнаруживаемого в жизни простых людей, получила развитие в романах, написанных после «Роб Роя», – в «Эдинбургской темнице» и в «Обрученных». Напротив названия романа «Эдинбургская темница» в своем списке Жуковский пишет имена двух героинь: Джини и Эффи. Это две сестры, дочери убежденного фанатика-пресвитерианина Дэвида Динса, оказавшиеся, подобно всем героям романа, втянутыми в события 1736 г., известного народными волнениями в Шотландии в связи с убийством Джона Портеуса. Старшая из сестер, Джини, простая деревенская девушка, в романе В. Скотта стала олицетворением лучших черт национального характера шотландцев. Воспитанная в строгих правилах сторонника пуританской церкви, она проявила нравственную стойкость, не нарушив верности долгу и чести в самых трагических обстоятельствах, связанных с Эффи, которая была подвергнута судебному разбирательству в связи с убийством младенца и осуждена на смерть. Джини во имя спасения сестры и восстановления славного имени семьи проявила необычайную для простой девушки из северной Шотландии смелость, житейскую мудрость, находчивость, отправившись пешком в Лондон, что-

бы получить у короля помилование для Эффи. «Она, – сказано в романе, – росла серьезной, твердой и рассудительной <...>. Ее на редкость здоровая натура, чуждая нервической слабости, не знавшая болезней <...> также содействовала созданию характера решительного и стойкого» (6, 85). Во всех жизненных ситуациях, комических и трагических – во встречах ли с безумной Мэдж Уайлдфайр или с герцогом Аргайлом и королевой Каролиной, с безутешным, но непреклонным отцом или мягкосердечным пастором Батлером, с хозяйкой табачной лавки «Чертополох» или с совратителем Эффи аристократом Стонтоном, – Джини всегда и неизменно сохраняла спасительное чувство достоинства, столь характерное, по мысли В. Скотта, для шотландцев. Судьба и характер Эффи, постоянно подвергающейся искушениям и испытаниям нравственности из-за любви к порочному и страдающему Стонтону, оттеняет чистоту Джини и вносит в роман напряженный драматический интерес¹.

Последняя запись в списке – «La flamande» – сделана напротив заглавия романа «Обрученные». В романе из эпохи крестоносцев Жуковский выделяет не имя главной героини Эвелины, наследницы нормандского рыцаря Беренжера, обрученной с воином-крестоносцем коннетаблем Честерским, а простой девушки, подружки и служанки Эвелины. Роза – дочь фламандца, ремесленника, ткача Уилкина Флэммока, человека разумно-практичного и честного до простодушия. Как сказано в комментарии к «Обрученным», В. Скотт, обратившись к эпохе крестоносцев, поставил вопрос о противоречиях рыцарского комплекса, что получило в романе преломление в исследовании глубокого противоречия между догматами должностования и потребностями, реалиями естественной жизни². Тайной разрешения этой дилеммы, пониманием истинных ценностей владеет Роза, которая со своих позиций убеждает Эвелину не приносить счастья любви в жертву исполнения навязанного долга. Именно Розе

¹ Не случайно Ф.М. Достоевский, перечисляя героинь в круге чтения своего мечтателя в «Белых ночах», называет не Джини, а именно Эффи («<...> Диана Вернон <...> Клара Мовбрай, Евфия Денс <...> Минна и Бренда» (*Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л., 1972. Т. 2. С. 116*).

Учитывая весь романский опыт Достоевского, трудно не увидеть в Стонтоне предвестие и один из литературных источников как образа Стиффорта в романе Дикенса «Дэвид Копперфильд», так и Ставрогина в «Бесах» Достоевского.

² См.: *Чеснокова Т.Г. Роман «Обрученная» в творчестве Вальтера Скотта // Скотт В. Обрученная. М., 2005. С. 225–266.*

В. Скотт доверяет сокровенные мысли о праве человека на уважение, независимо от национальной и религиозной принадлежности. Подобно Джини, героине «Эдинбургской темницы», Роза, застенчивая и пылкая, оказывается решительной и отважной в самых драматических обстоятельствах.

Отбор Жуковским героинь романов В. Скотта показателен с точки зрения характеристики его художественных исканий в области психологической прозы. Ориентация В. Скотта на изображение истории «домашним образом», включение в состав героев людей разных сословий и характеров обусловили принцип соединения высокого с комическим, живописно-пластического изображения с исповедальными формами повествования. Джулия, юная героиня «Гая Мэннеринга», отмеченная в списке Жуковским, пишет письма из провинции, где она оказалась по воли случая, своей светской подруге Матильде. Это письма не только о любви к молодому Гарри Бертраму; в них говорится о тихой простой жизни, о смешном и возвышенном, которое она видит в этом краю. Джулия с ее посланиями типологически напоминает пушкинскую героиню «Романа в письмах». Такие «сближения» отражают общую направленность развития русской и европейской психологической прозы. Жуковский в письме к А.П. Зонтаг в октябре 1827 г., после выхода ее перевода «Эдинбургской темницы»¹, советует ей писать роман и рекомендует «понастроиться» на повествовательную манеру англичан, в том числе В. Скотта и М. Эджворт: «Напишите что-нибудь простое, привлекательное истиной происшествий и локальной верностью. А чтобы понастроиться, то перечитывайте лучшие романы В. Скотта, Клариссу, Miss. Edgeworth, особенно “Hélène” <...>. Чтобы нравственность была в применении, но чтобы в самом романе было только живое, верное изображение человека и общества»².

Таким образом, запись – список Жуковского дает представление о характере восприятия им романов В. Скотта. Приоритетным для Жуковского является нравственный аспект содержания романа, связанный с проблемами выбора, жизненной ориентацией человека, местом его личности в истории и обществе. Исключительное внимание Жуковского к женским образам, созданным в романах В. Скотта,

¹ Экземпляр книги «Эдинбургская темница» В. Скотта (М., 1825) в переводе А.П. Зонтаг хранится в библиотеке В.А. Жуковского. Описание. № 352.

² *Уткинский сборник*. М., 1904. С. 66.

объясняется его пониманием высшей цели искусства как благотворного и преобразующего действия на душу читателя. В письме к Н.В. Гоголю от 29 января 1848 г. Жуковский называет В. Скотта «поэтом в прямом значении сего звания» и «благотворителем души человеческой»:

Какой разнообразный мир охвачен его гением! Он до всего коснулся, от самого низкого и безобразного до самого возвышенного и божественного, и все изобразил с простодушною верностию, нигде не нарушил с намерением истины, нигде не оскорбил красоты, во всем удовлетворил требованиям искусства (ПСС. Т. 10. С. 85).

В записи Жуковского непосредственно за перечислением романов В. Скотта следует список произведений Байрона. Полнота списка свидетельствовала о внимании и знании Жуковским творчества английского поэта.

В самом соседстве двух списков – вальтер-скоттовского и байроновского – запечатлен момент раздумий и сравнения Жуковским двух великих, но отличных друг от друга художников. В черновой записи выстраивается соотношение, которое получит развитие в письме к Гоголю. Говоря о В. Скотте, Жуковский акцентирует миротворческую, облагораживающую природу его личности:

Но посреди этого очарованного мира самое очаровательное есть он сам – его светлая, чистая, младенчески верующая душа; ее присутствие разлито в его творениях, как воздух на высотах горных, где дышится так легко, освежительно и целебно (ПСС. Т. 10. С. 85).

Байрон рисуется по контрасту: это «дух высокий, могучий, но дух отрицания и презрения» (ПСС. Т. 10. С. 86). Однако, как замечает Жуковский, сравнивая его с современными поэтами, «Байрон сколь ни тревожит ум, ни повергает в безнадежность сердце, ни волнует чувственность, его гений все имеет высоту необычайную...» (ПСС. Т. 10. С. 86). Не случайно в список лучших созданий женских образов в мировой поэзии из героинь Байрона попадают Зулейка и Паризина. Жуковский в характеристике Байрона акцентирует мотив его глубоких духовных страданий:

Мы чувствуем, что рука судьбы опрокинула создание благородное и что он прямодушен в своей всеобъемлющей ненависти... (ПСС. Т. 10. С. 86).

Поэтическая расшифровка и комментарий к этой характеристике содержатся в записи 1841 г. В «байроновском списке» к названию поэмы «Corsar» Жуковский слева приписывает слово «Дивный» – «Дивный Corsar». В этом определении выражено восхищение художественной мощью поэтического таланта Байрона в создании образа героя, страстного, сильного, благородного душой, но обреченного обстоятельствами на зло. Слова в письме к Гоголю: «Меланхолическая разочарованность Байрона, столь очаровательная в его изображениях и столь пленяющая глубокою [хотя иногда и вымышленною] грустью поэта» (ПСС. Т. 10. С. 87) в поэтической форме выражают мысль Жуковского о духовном родстве Байрона с созданным им образом Конрада.

Таким образом, запись Жуковского в рабочей тетради 1841 г., возникшая в итоге работы над большим произведением – переводом «Наля и Дамаянти», стала своего рода прологом, подмостками для новых эпических замыслов и нравственно-философских и эстетических размышлений русского поэта.